

БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

Ю.В. Черновицкая

ПРИЧИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИВНОСТИ – БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ?

Аннотация. Автор обращает внимание на одну из наиболее серьёзных проблем, перед которой оказалось человечество – проблему насилия, при этом отмечается, что вопросы природы, причин, контроля и предотвращения человеческой агрессии стали предметом систематического научного исследования лишь недавно. В статье методом сравнительного анализа рассматриваются три самых значимых теории возникновения человеческой агрессивности. Агрессия как инстинктивное поведение рассматривается с позиций психоаналитического (З. Фрейд и др.) и эволюционного подходов. Последний включает в себя этологический подход (К. Лоренц, Н. Тинберген и др.), охотничью гипотезу (Р. Ардри, Д. Моррис и др.), социобиологический подход (Э. Уилсон, Р. Триверс и др.). Эти подходы склоняются к тому, что агрессия имеет биологическую, инстинктивную основу, т.е. агрессивность – это врождённый инстинкт. Другая теория (теория побуждения) объясняет агрессию переживанием фрустрации (Дж. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц и др.). В теориях, утверждающих приоритет воздействия социального на естественное (теории социального научения (А. Бандура и др.) и социального влияния (Дж. Тедещи и др.)), доказывается, что именно общественная среда поощряет, способствует, потворствует агрессии. Критикуя теории человеческой агрессивности, автор приходит к выводу, что рост моральной ответственности за последствия своих действий не принёс человечеству гарантий против самоуничтожения, моральные ограничения, регулятивы глобальной этики сильно отстают от технологического прогресса. Требуется качественно новая методология.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, естественное, социальное, инстинктивное поведение, теория фрустрации, теория социального научения, теория социального влияния, насилие, ответственность.

Abstract. The author turns attention to one of the most acute problems of mankind – a problem of violence. At the same time, the author notes that the questions of origin, causes, control and prevention of human aggression just recently became a subject for scientific research. Using a method of comparative analysis, this work examines three most significant theories of emergence of human aggression. Aggression as instinctive behavior is being studied from the positions psychoanalytic approach (S. Freud, etc.) and evolutionary approach. The latter includes ethological approach (K. Lorentz, N. Tinbergen, etc.), a hunting hypothesis (R. Ardri, D. Morris, etc.), and sociobiological approach (E. Wilson, R. Trivers, etc.). These approaches lean towards the fact that aggression has a biological, instinctive basis, in other words, aggression is an inherent instinct. The theory of motivation explains aggression as feeling of frustration (J. Dollard, N. Miller L. Berkowitz, etc.). Theories that state there is a priority of influence of the social upon the natural (theories of social learning (A. Bandura, etc.) and social influence (J. Tedeshchi, etc.)) prove that namely social environment encourages and stimulates aggression. The author criticizes theories of human aggression and comes to a conclusion that the growth of moral responsibility for the consequences of their actions did not provide guarantees that the mankind will not destroy itself. Moral restrictions, regulations of global ethics are far behind the technological progress. A qualitatively new methodology is required.

Key words: social learning theory, frustration theory, instinctive behavior, social, natural, aggressiveness, aggression, social influence theory, violence, responsibility.

Насилие относится к числу наиболее серьёзных проблем, перед которыми оказалось человечество. Проблема природы, причин, контроля и предотвращения человеческой агрессии стала предметом систематического научного исследования лишь недавно.

Термин «агрессия» имеет свои определения в биологии, политике, социологии и т.д. Социально-философское определение агрессии можно озвучить так: агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобно-

го обращения (Berkowitz, Feshbach) [1, с. 26]. Хочется отметить критерий преднамеренности в данном определении, нередко скрываемый, на который косвенно может указывать социальный контекст, в котором развёртывается агрессивное поведение.

Следует отличать агрессию – как действия, совершаемые в конкретных условиях и агрессивность как свойство, постоянно присущее биологическому объекту, в том числе человеку. Агрессивность – сложный феномен, являющийся биосоциальным свойством человека, приобретённым в процессе эволюции. Существует несколько теорий возникновения человеческой агрессивности, самыми значимыми являются три из них. В наиболее распространённом теоретическом предположении утверждается, что естественное воздействует на социальное. Теория склоняется к тому, что агрессия имеет биологическую, инстинктивную основу, т.е. агрессивность – это врождённый инстинкт. Другая теория (теория побуждения) объясняет агрессию переживанием фрустрации. Источник агрессии находится вовне, потребность в агрессии вызывается как внешними стимулами, так и внешние стимулы вызывают познавательные и эмоциональные процессы. Также существуют теории, утверждающие приоритет воздействия социального на естественное. В них доказывается, что именно общественная среда поощряет, способствует, потворствует агрессии. Например, это теория социального научения, которая рассматривает увеличение агрессии при наблюдении за агрессивными актами, при поощрении агрессивного поведения и т.п.

Мы рассмотрим некоторые характерные черты и особенности концепций агрессивности человека и её выражения в формах социального насилия [2, с. 101] – биологического, психологического и социального явления [3, с. 112].

Отдельно следует указать зависимость на химико-биологическом уровне степени агрессивности от присутствия определённых гормонов. Так, агрессивность повышается с увеличением в организме мужского гормона тестостерона. Аналогично действует адреналин. Нехватка сератонина может наряду с депрессией, навязчивыми состояниями и т.п. вызвать и повышение агрессивности. У человека и у животного за агрессию ответственны определённые участки нервной системы.

Согласно Р. Бэрон, Д. Ричардсон [1], агрессия как инстинктивное поведение может рассматриваться с позиций психоаналитического и эволюционного подходов. При эволюционном подходе утверждается, что предрасположенность человека к агрессии является следствием влияния естественного отбора, биологические преимущества

нашим доисторическим предкам обеспечивала именно агрессия. Представители этологического подхода (К. Лоренц, Н. Тинберген и др.) придерживаются версии агрессии как врождённого инстинкта борьбы за выживание, который присутствует у людей так же, как и у других живых существ. При этом, по мнению этологов, человек оказался более агрессивным существом, чем другие животные как из-за природной склонности к внутривидовой агрессии, так и из-за деформации биологических механизмов под воздействием социальной среды. У животных опасно высокий уровень агрессивности снижается посредством ритуальной конфронтации, которая обычно предотвращает прямое физическое столкновение, – отмечает Лоренц. «Военный энтузиазм... опасно родственен церемонии триумфа гусей и аналогичным формам инстинктивного поведения других животных» [4, с. 125]. Агрессивная энергия, согласно Лоренцу, постоянно накапливаясь в организме, непременно должна обрести выход. Технический прогресс, культурная эволюция сделали малоэффективным природный ритуальный механизм, утрачиваются естественные ограничительные рамки применения насилия. Учитель К. Лоренца Оскар Хейнрот часто шутил: «После крыльев фазана-аргуса, темп работы людей западной цивилизации – глупейший продукт внутривидового отбора» [5, с. 8]. Темпы и спешка, которой охвачено индустриализованное и коммерциализованное человечество, является примером нецелесообразного развития, происходящего за счёт конкуренции между братьями по виду. Однако в природе, чем более серьёзные повреждения может нанести живое существо, тем более сильными механизмами сдерживания оно обладает. Согласно К. Лоренцу [5, с. 24], во-первых, существует зависимость между действенностью оружия, которым располагает вид, и механизмом торможения, запрещающим применять это оружие против сородичей. Во-вторых, существуют ритуалы, цель которых состоит в том, чтобы задействовать у агрессивных сородичей именно эти механизмы торможения. В-третьих – на эти механизмы нельзя полагаться абсолютно, при случае они могут и не сработать, т.к. проявление инстинкта спонтанно.

Человек, полагал К. Лоренц, не обладает «натурой хищника», происходит от биологически безоружного австралопитека и потому изначально лишён прочного инстинктивного торможения внутривидовой агрессии. Темпы роста технического прогресса, возникновение оружия массового уничтожения сделали доступным массовое насилие, но эволюцией не выработано ещё механизмов сдерживания легкоосуществляемого насилия массовых

масштабов. Возможно, этим объясняется широко распространённое у людей насилие в отношении представителей собственного вида. Человек не всегда может осознавать реальные последствия своих действий. «Новая степень свободы, которую даёт человеку развитие науки и техники, но которая в то же время может привести к разрушению всего живого, выходит за рамки традиционных норм и ценностей, актуализируя тем самым вопрос о масштабах и формах ответственности человечества в мире» [6, с. 44]. Помимо человека, непосредственно выполняющего акт агрессии с применением технических средств (например, солдат), ответственными в том или ином отношении могли бы считать себя и политические деятели, принимающие государственные решения, и инженеры, как главные действующие лица технических изменений, и учёные, занимающиеся фундаментальными исследованиями, все те, на ком лежит общая ответственность за осуществление технического прогресса. «Лоренц истолковывал стремление мировых лидеров подвергать целые нации риску самоуничтожения в свете того факта, что человеческая способность к насилию превалирует над врождёнными сдерживающими началами, подавляющими агрессивные действия» [1, с. 36]. А.П. Назаретян отмечает, что наши предки выжили благодаря тому, что выработали надприродный, внеинстинктивный механизм ограничения агрессии. Главной задачей было восстановление нарушенного баланса между орудиями агрессии и механизмами сдерживания (закон техно-гуманитарного баланса), и только та популяция, которой удалось её решить, получала шанс на продолжение рода [7, с. 49]. Академик С.Н. Давиденков первым указал на нарушение генетически закреплённых форм поведения – инстинктов – в ранней стадии антропогенеза, обнаружившееся выраженными фобиями, истериями и «экспансией инертных психастеников... в человеческой предыстории» [8, с. 151]. С появлением оружия от умения регулировать свои агрессивные состояния стала зависеть жизнеспособность сообществ. Показателен пример исчезновения во Вьетнаме первобытного племени горных кхмеров [8, с. 59], когда представители этого племени, освоив до этого им неизвестное оружие (после вьетнамо-американской войны) и оценив его преимущества, сначала истребили животных, составляющих их пищу, а потом и друг друга.

Однако технический прогресс расширил возможности сублимации. Виртуальные игры, насилие на телевидении и в прессе дают хотя бы частичный выход той энергии агрессивности, которая при отсутствии других возможностей вы-

ливалась бы в отнюдь не виртуальные драмы. «У нас есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьёзной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития» [5, с. 6], – полагал Лоренц.

Следующая (помимо этологической и социобиологической, о которой будет рассказано в дальнейшем) версия эволюционного подхода, по определению Р. Бэрн, Д. Ричардсон – это охотничья гипотеза (Р. Ардри, Д. Моррис). Р. Ардри полагал, что «охотничья природа», выработанная в результате естественного отбора, составляет основу человеческой агрессивности. В истории человечества лишь война или военная угроза, по мнению Р. Ардри, обеспечивали людям и свободу, и материальное благополучие, такое состояние способствовало возникновению таких изобретений как язык, для более успешной охоты и поражающее на расстоянии оружие (лук, стрелы). Эти факторы, по Р. Ардри, сформировали человека как существо, которое активно нападает на представителей своего же вида. Экономическое благополучие, не позволяющее обращать биологическую энергию на насущные нужды «выживания», социальная дифференциация, человеческое любопытство к актам насилия, бедствия, жестокости способствуют пробуждению и активизации насилия. Будущее человечества не может мыслиться как эпоха «неагрессивности» [9]. Единственное, что человек может сделать с энергией своей агрессивности, – это умело использовать её, не причиняя себе вреда. Нормальное отправление функции агрессивности предполагает наличие соперников в своей среде или же конкурирующих «чужаков» извне. Нормы, поощряющие агрессивность, но не допускающие насилие в современном человеческом обществе нарушены. Р. Ардри считал, что наиболее полное чувство агрессивности проявляется в ксенофобии, которая понимается как неприязнь к «чужакам», вытекающая из принципа территориальности. В человеке заложено стремление не к войне как таковой, а к отвержению не имеющих своей территории пришельцев. И в то же время они, оказывается, нужны для поддержания «общественного договора» в данном обществе. Р. Ардри считает, что именно «чужаки», принимая на себя удары социального недовольства, способны помочь обществу обойтись без войны. Суть наиболее важной и «интригующей» современной проблемы в том, что «теперь мы должны изобретать чужаков» [2, с. 128]. Признание у человеческой агрессивности биологических основ неизбежно ведёт к выводу о неустранимости угрозы войны. Но развитие средств массового уничтожения, ядерного, химического, биологического ору-

зия, угрожающих самим основам жизни, заставляет задуматься о путях и средствах предотвращения глобального военного конфликта. Р. Ардри считает, что допустим определённый уровень насилия в локальных или национальных масштабах, это позволит уберечь человечество от самоуничтожения. Однако не зря исследователями указывается на повышенный уровень жестокости именно в гражданских войнах, в войнах между соплеменниками. «Психологические наблюдения и специальные исследования показали, что ненависть к ближнему переживается острее, чем ненависть к дальнему и вражда тем сильнее, чем больше сходство между конкурентами» [7, с. 90]. «Накопление агрессии тем опаснее, чем лучше знают друг друга члены данной группы, чем больше они друг друга понимают и любят» [10, с. 62].

Намерение определить «чужака» грозит определёнными опасностями. Хочется напомнить о не так давно применявшемся в истории расовом подходе, обосновывающим существованием расового превосходства геноцид. Расово-антропологическая школа или антропосоциология (представители Ж.А. де Гобино, Х.С. Чемберлен, Ж. Ляпуж, О. Аммон, Л. Вольтман, Ф. Гальтон и др.) – одна из влиятельных школ в социологии и антропологии второй половины XIX – начала XX вв., основной идеей которой определялось решающее воздействие расового фактора на историческое и культурное развитие народов. Расово-антропологическая школа возникла в условиях роста популярности учения Ч. Дарвина о борьбе за существование и естественном отборе, господства биологического подхода в социологии, широкого распространения всевозможных антропометрических измерений и попыток биологической классификации рас. Высшей расой признавалась «нордическая», в качестве «естественных», «здоровых» инстинктов которой называлась жестокость, сила, пренебрежение к моральным и нравственным нормам, презрение к другим народам. «Мы варвары и должны быть варварами», – позже резюмировал Гитлер.

«Низшие» расы объявлялись лишёнными всяких творческих начал. Все негерманские народы – расово неполноценны, не способны к культурному прогрессу, пассивные, вырождающиеся. Идеи гуманизма и морали – не выработанные веками механизмы сдерживания агрессии, способы урегулирования конфликтов, взаимопомощи, а способ низшей расы существовать вместе с высшей.

Антропологические различия, «расовая одарённость», наследственные признаки остаются неизменными, «низшие» расы никогда не смогут подняться до уровня «высших», и это делает все

брахицефальные расы прирождёнными рабами, заключали национал-социалистские идеологи, применяя разработки на практике. Поэтому право «нордической» расы на господство предопределено генетически, оно изначально и неизменно. Вследствие этого германская «раса господ», по словам Л. Вольмана, «призвана охватить земной шар своим господством, использовать сокровища природы и рабочие силы и включить пассивные расы как служебный член своего культурного развития» [11, с. 307].

Гитлер постоянно проповедовал идеологию расового национализма. В основном евреи были «паразитами на теле других народов», создавая государство в государстве. Именно причиной «разбавления» германской крови Гитлер объяснял поражение Германии в I-ой мировой войне. Таким образом, путь «наименьшего зла» поиск «чужака» для частичного выплеска агрессивности породил Холокост, многие народы имели реальные шансы на полное или частичное уничтожение или порабощение, предлагаемый «локальный конфликт» превратился для некоторых народов в глобальную катастрофу. Холокост потребовал пересмотра многих гуманистических, религиозных, моральных оснований, заставил задуматься о самогеноциде человечества.

Последователи социобиологической версии эволюционного подхода видят причину агрессии или симпатии в схожести или различии генов. Социобиологи доказывают, что индивидуумы скорее всего будут содействовать выживанию тех, у кого имеются схожие гены (т.е. родственников), проявляя альтруизм и самопожертвование, и будут вести себя агрессивно по отношению к тем, кто от них отличается или не состоит в родстве, т.е. у кого наименее вероятно наличие общих генов. «Социобиологи убеждают нас в следующем: агрессивность – это средство, с помощью которого индивидуумы пытаются получить свою долю ресурсов, что, в свою очередь, обеспечивает успех (преимущественно на генетическом уровне) в естественном отборе» [1, с. 37].

Критика эволюционных подходов, прежде всего, основывается на том, что, например, не обнаружено генов, отвечающих за агрессивное поведение, не найдено подтверждения положения Лоренца о накоплении агрессивной энергии в организме, также критикуется отождествление поведения человека с поведением животного. Считается, что на человека влияет общественный и культурный контроль. Человек обладает как агрессивностью, так и миролюбием, предрасположенность к какой-то крайней форме поведения генетически

не детерминирована, социальная среда, общественное окружение во многом определяют линию поведения человека. Идея считать агрессию только инстинктом опасна ещё и тем, что перечень всевозможных человеческих инстинктов (а следовательно, предопределённых и при этом спонтанных действий) при желании может охватить едва ли не все действия человека, создать возможности для манипулирования, оправдывать неприемлемые или социально опасные действия.

Психоаналитический [1] подход к агрессии как инстинктивному поведению затрагивает работы З. Фрейда. Он предполагал существование двух основных инстинктов: инстинкта жизни (эроса) и инстинкта смерти (танатоса). Всё человеческое поведение является результатом взаимодействия эроса и танатоса, между ними существует постоянное напряжение, конфликт. И чтобы энергия танатоса не разрушила собственное человеческое «Я», определённые механизмы смещают энергию разрушения вовне, отсюда и проявления человеческой агрессивности. «Надо, по-моему, считаться с тем фактом, что у всех людей имеют место деструктивные, т.е. антиобщественные и антикультурные тенденции...» [12, с. 183], стремление к разрушению, по З. Фрейду, в человеке непреодолимо. Характерной особенностью инстинкта разрушения, или смерти, является то, что он не сублимируется, а выражает себя в разрушительно-агрессивных (например, насильственно-преступных) действиях.

Также и другие мыслители придерживались версии, что социальные, межгрупповые конфликты, война представляются как актуализации потенций, коренящихся в биологической природе человека. У Ф. Ницше обоснование этой идеи носило ещё в значительной мере натурфилософский характер. У Джеймса пытался представить свой вывод о том, что стремление к войне заложено в самих человеческих инстинктах, как результат чисто научного исследования человеческой психики. Западногерманский психоаналитик А. Мичерлих считал, что жестокость связана не с обществом, а с человеческой природой, поскольку общество не является носителем агрессивности: «Источники агрессии скорее коренятся в нас, принадлежат нашей природе...» [13, с. 105]. О Шпенглера все живые существа разделит на два типа. Первый тип связан с природным ландшафтом – это травоядные. Второй тип характеризуется агрессивным поведением – это хищники, живущие за счёт травоядных. Шпенглер распространил это деление на общество, где первый тип представлен крестьянами, непосредственно связанными с землей, а второй тип – агрессивными горожанами, носителями гру-

бой силы, призванными командовать остальными людьми. Социальная неоднородность у Шпенглера оказалась порождённой самой «жизнью».

Хотя в социальной философии существовала традиция трактовки человека как естественно предрасположенного ко злу и агрессивности (например, христианское понимание человека как носителя греха и зла или макиавеллизм), не всех исследователей можно однозначно отнести к приверженцам биологической либо социальной первопричины человеческой агрессивности. Например, Гоббс считал, что нельзя сказать, что человек по природе любит других, но нельзя также сказать, что он питает к ним неприязнь. Он обретает свойства «злого существа» [14, с. 241], лишь будучи поставлен в условия конкуренции за средства существования, т.е. в силу естественного стремления к выживанию.

Э. Фромм попытался объяснить склонность человека ко злу через взаимодействие подсознательных стремлений к разрушению и созиданию. Эти две противоборствующие тенденции лежат в основе «синдрома заката» и «синдрома роста». Компонентами «синдрома заката» являются тяготение, даже любовь к смерти (некрофилия), эгоистическая любовь к себе (нарциссизм) и стадно-кровосмесительный комплекс. Агрессивность может быть как разрушительной (убийство, садизм, война), так и созидательной (труд, спорт, творчество).

В работе «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм выступил против «инстинктивистов» (Лоренца и его сторонников), выводящих социально-культурные явления из врождённых свойств человека, и против бихевиористов с их принципом однозначной «внешней обусловленности» человеческого поведения. Он использовал термин «мягкая, оборонительная, доброкачественная агрессивность» для обозначения защитной, ответной агрессивности, и термин «злая, злокачественная агрессивность», называя так специфически человеческую склонность уничтожать и стремиться к господству. «Человек – единственный представитель приматов, – писан он, – который без биологических и экономических причин мучит и убивает своих соплеменников и ещё находит в этом удовлетворение» [15, с. 22]. «Мягкая агрессивность», «биологически адаптивная» запрограммирована филогенетически, она обща людям и животным. Что касается «злой агрессивности», то она коренится в социальном характере, формируемом средой. По Э. Фромму, именно в ней выражается некрофилия, концентрировано проявившаяся в нацизме. Фромм делил агрессию на «непредна-

меренное» действие (случайное нанесение ущерба), «игровую» агрессию (учебные тренировки, не имеющие разрушительных целей), «самоутверждающую агрессию» (наступательность, необходимая для достижения цели), «оборонительную» агрессию (как реакцию на угрозу жизненным интересам), «конформистскую» агрессию, «инструментальную» агрессию (стремление к тому, что желательно), агрессию как выражение потребности к свободе [16, с. 189]. Согласно Г.С. Табатадзе [3, с. 113], насилие порождается стремлением к социальной свободе, физической свободе, свободе внутреннего самоопределения. А.П. Назаретян отмечает, что человек, в отличие от животного, изначально существует в условиях искусственных (используемые технологии, противоестественно высокая концентрация), которая неизбежно повышает уровень агрессивности [7, с. 42].

Идеи биологической укоренённости жестокости и агрессивности человека могут использоваться средствами массовой информации (опираясь на социально-философскую мысль), для объяснения природы войн, геноцида, социальных конфликтов. Так, по мнению журналиста М. Грондоны [2, с. 123], война является способом разрядки накапливаемой человеком агрессивности, причём критический уровень агрессивной энергии достигается каждым поколением.

Культивируемая биологизмом идея врождённой склонности человека к насилию неизбежно затрагивает вопрос о том, какие социальные последствия эта склонность может вызвать, как далеко может завести человека «инстинкт оружия», фатальна ли война в жизни общества. Никто из представителей социального этологизма открыто не выступает проповедником войны, но они представляют массовое насилие и войну неизбежными формами проявления человеческой агрессивности, поэтому сама проблема смягчения этих форм рассматривается в свете принципиальной неискоренимости военных столкновений. Английский этолог и антрополог Д. Моррис [2, с. 84] придерживается в объяснении исторических явлений крайнего биологического детерминизма. Человек, по его мнению, следуя требованиям своей природы, в условиях цивилизации (подобно зверям в неволе) либо впадает в состояние апатии, либо ищет новые формы активности. Эти новые формы находят своё выражение в кризисных явлениях, которые широко охватили межличностные отношения, нравы, культуру в целом, также могут выражаться в массовом насилии.

Насколько основательна надежда на невоенное соперничество? Например, А. Сторр [17] предлагает усилить ритуализацию культурной жизни, пред-

приняв международные конференции и диспуты, спортивные мероприятия, он высказывается против сокращения расходов на космические исследования, т.к. конкуренция в этой области может рассматриваться как ритуализация конфликта, которая скорее устраняет вероятность войны, чем поощряет её.

Таким образом, согласно этим теориям агрессия является неотъемлемой частью человеческой природы. И никакие духовные, материальные, моральные преобразования не смогут этого изменить. Можно лишь надеяться на переориентирование, временную приостановку или уменьшение интенсивности агрессивного поведения.

Другая теория – теория фрустрации. Фрустрация (лат. *frustratio* – «обман», «неудача», «тщетное ожидание», «расстройство замыслов») – психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, или в ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям. Теория фрустрации рассматривает агрессивное поведение как ситуативный, а не эволюционный процесс. Существует мнение, что фрустрация всегда порождает агрессию, а агрессия всегда является результатом фрустрации (Дж. Доллард, Н. Миллер), либо ведёт к агрессивным поступкам лишь в определённых случаях, создаёт готовность к агрессивным действиям (Л. Берковиц).

При этом предполагается, что фрустрация не вызывает агрессию напрямую, но провоцирует агрессию (побуждает к агрессии), что, в свою очередь, облегчает проявление или поддерживает агрессивное поведение. «Теория фрустрации экспериментально доказала, что агрессия является нормой реакции на неблагоприятные условия» [18]. К сожалению, устранение всех внешних вызывающих агрессию источников, невозможно, источник агрессивных импульсов постоянен. Так, например, К.Э. Изард считает гнев и страх базовыми эмоциями, которые возникают, когда человек или животное ощущают реальную или воображаемую угрозу своей собственности. «Вспышка гнева может способствовать выживанию индивида..., исправлению социальной несправедливости» [19, с. 34]. Н. Миллер [1, с. 41] предложил модель «смещенной агрессии» – т.е. тех случаев, когда индивидуумы проявляют агрессию не по отношению к своим фрустраторам, а по отношению к совершенно другим людям. На выбор жертвы влияют три фактора: 1) сила побуждения к агрессии, 2) сила факторов, тормозящих данное поведение и 3) стимульное сходство каждой потенциальной жертвы с фрустрировавшим фактором.

К теориям, утверждающим приоритет воздействия социального на естественное, можно отнести

теорию социального научения, согласно которой увеличение агрессии происходит при наблюдении за агрессивными актами, при поощрении агрессивного поведения и т.п.

Исследователи пришли к выводу, что возможно, наиболее важное влияние на формирование и развитие агрессивного поведения оказывают средовые факторы. К таковым можно отнести порочное воспитание, включающее физические наказания, моральное унижение, социальную и сенсорную изоляцию, табу на эмоциональные проявления, а также такие мегафакторы как скученность (небывалое увеличение плотности населения в мегаполисах).

Согласно теориям социального научения (А. Бандура и др.), социального влияния (Дж. Тедещи и др.), люди учатся социальному поведению, наблюдая и имитируя действия, при этом подвергаясь наказаниям или поощрениям. «Уровни агрессивности определяются как научением в процессе социализации, так и ориентацией на культурно-социальные нормы, важнейшими из которых выступают нормы социальной ответственности и норма возмездия за акты агрессии» [20, с. 10]. Американский антрополог А. Алланд [2, с. 108], критикуя идеи «охотничьей гипотезы» Р. Ардри и Д. Морриса, доказывает, что «каждый тип убийства человека имеет свою серию причин, коренящихся в социальной жизни» [21]. Исследуя многие племена, которым свойственно агрессивное поведение, он обнаружил, что они вовсе не являются «охотниками-хищниками», и африканские пигмеи, живущие охотой, представляют собой одну из самых неагрессивных первобытных групп, известных науке. Редкий феномен каннибализма также не инстинктивного происхождения. Он наблюдался лишь в районах сильного белкового голода и при отсутствии в первобытных культурах соответствующих табу. В. Холличер [22, с. 118-129] также показывал естественную несостоятельность теории агрессивности и хищного предка человека. Однако если бы на агрессивность влияли только социальные факторы воспитания и среды, то все люди, воспитанные в эквивалентных условиях, проявляли бы одинаковую степень агрессивности, что не наблюдается.

Из всего сказанного можно сделать один неутешительный вывод. Чем бы ни обуславливалось проявление человеческой агрессивности – инстин-

тами, раздражающими факторами, собственным любопытством и познавательной активностью, социальной средой – источники, импульсы, вызывающие агрессивное поведение пока неустранимы. Мы не в силах изменить биологическую природу человека, невозможно избавиться от всех раздражающих факторов (ибо возбудитель агрессии либо побудитель к агрессивному поведению у всех различен), не можем сделать идеальным социальное окружение человека. Ещё Ч. Дарвин рассуждал о пользе естественного отбора для сохранения вида, другая функция агрессии, ещё более существенная для сохранения вида [5, с. 6] – по возможности равномерное распределение особей вида в жизненном пространстве, в котором этот вид может обитать.

Трудно предсказать человеку долгую жизнь, полагал Лоренц, если посмотреть на него беспристрастно. «В руках водородная бомба, подарок его собственного разума, а в душе инстинкт агрессии – наследство человекообразных предков, с которым его рассудок не может совладать» [5, с. 10], и не погиб человек до сих пор ещё только потому, что обладает чувством ответственности, что он способен поставить перед собой вопрос о последствиях своих поступков – и ответить на него.

Таким образом, насилие обусловлено самой природой человека, его инстинктами, врождёнными качествами, склонностями, соперничеством, социальной средой, социально-экономическими условиями жизни в совокупности. Человечество совершенствуется, развивается наука, техника, технология, приветствуется увеличение уровня жизни благодаря технологиям, которые уже стали составлять угрозу для человечества. «Концентрационные лагеря, массовое истребление людей, мировые войны и атомные бомбы вовсе не “рецидив варварства”, а безудержная реализация достижений современной науки, технологии и власти», – считает Г. Маркузе [23, с. 12]. Одновременный рост моральной ответственности не принёс человечеству гарантий против самоуничтожения, моральные ограничения, регулятивы глобальной этики сильно отстают от технологического прогресса. Допуская неискоренимость агрессивности человека, стоит попытаться выработать механизмы её ограничения и контроля для предотвращения самогеноцида человечества, для общего будущего.

Список литературы:

1. Бэрон Р, Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
2. Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. М.: Мысль, 1984. 208 с.
3. Табатадзе Г.С. Насилие как социальное явление // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 109-117. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-kak-sotsialnoe-yavlenie#ixzz3WHE2W5rm> (дата обращения: 17.03.2015).

4. Lorenz K. On Aggression. N.-Y., 1967. P. 275. (Цит. по: Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. М.: Мысль, 1984. 208 с.)
5. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло). URL: http://royallib.com/read/konrad_lorents/agressiya_tak_nazivaemoe_zlo.html#0 (дата обращения: 18.03.2015).
6. Белов А.В. Социальная ответственность: опыт философского исследования. Волгоград, 2012. 163 с.
7. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 256 с. (Синергетика в гуманитарных науках)
8. Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.: Ин-т им. С.М. Кирова, 1947. 382 с.
9. Ardrey R. African Genesis. N.Y., 1961.
10. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс-Универс, 1994. 269 с.
11. Вольфман Л. Политическая антропология: исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. СПб., 1905. С. 307.
12. Фрейд З. Будущее одной иллюзии... М.: АСТ: Астрель, 2011. 251 с.
13. Мичерлих А. (Цит. по: Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. М.: Мысль, 1984. 208 с.)
14. Гоббс Т. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. М., 1964. 583 с.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с. С. 22. URL: <http://www.novsu.ru/pre/files/um/1412/bg/shell/arh/istoch/Фромм%20Э.%20Анатомия%20человеческой%20деструктивности.htm> (дата обращения: 25.03.2015).
16. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 429 с.
17. Storr A. Human Aggression. Harmondsworth, 1974. P. 159.
18. Субботина Н.Д. Естественные и социальные составляющие агрессии // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/estestvennye-i-sotsialnye-sostavlyayushchie-agressii#ixzz3dLrxEv5> (дата обращения: 01.06.2015).
19. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
20. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
21. Alland A. The Human Imperative. New York; London, 1972. P. 31.
22. Холличер В. Человек и агрессия. М., 1975. 132 с.
23. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 526 с.

References (transliterated):

1. Beron R., Richardson D. Aggression. SPb.: Piter, 2001. 352 s.
2. Karimskii A.M. Sotsial'nyi biologizm: priroda i ideologicheskaya napravlennost'. M.: Mysl', 1984. 208 s.
3. Tabatadze G.S. Nasilie kak sotsial'noe yavlenie // Vestnik VolGU. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii. 2003. № 3. S. 109-117. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-kak-sotsialnoe-yavlenie#ixzz3WHE2W5rm> (data obrashcheniya: 17.03.2015).
4. Lorenz K. On Aggression, N.-Y., 1967. P. 275. (Tsit po: Karimskii A.M. Sotsial'nyi biologizm: priroda i ideologicheskaya napravlennost'. M.: Mysl', 1984. 208 s.)
5. Lorents K. Aggression (tak nazyvayemoe Zlo). URL: http://royallib.com/read/konrad_lorents/agressiya_tak_nazivaemoe_zlo.html#0 (data obrashcheniya: 18.03.2015).
6. Belov A.V. Sotsial'naya otvetstvennost': opyt filosofskogo issledovaniya. Volgograd, 2012. 163 s.
7. Nazaretyan A.P. Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: Ocherki po evolyutsionno-istoricheskoi psikhologii. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012. 256 s. (Sinergitika v gumanitarnykh naukakh)
8. Davidenkov S.N. Evolyutsionno-geneticheskie problemy v nevropatologii. L.: I-t im. S.M. Kirova, 1947. 382 s.
9. Ardrey R. African Genesis. N.Y., 1961.
10. Lorents K. Aggression (tak nazyvayemoe «zlo»). M.: Progress-Univers, 1994. 269 s.
11. Vol'tman L. Politicheskaya antropologiya: issledovanie o vliyaniy evolyutsionnoi teorii na uchenie o politicheskom razvitiy narodov. SPb., 1905. S. 307.
12. Freid Z. Budushchee odnoi illyuzii... M.: AST: Astrel', 2011. 251 s.
13. Micherlikh A. (Tsit. po: Karimskii A.M. Sotsial'nyi biologizm: priroda i ideologicheskaya napravlennost'. M.: Mysl', 1984. 208 s.)
14. Gobbs T. Izbr. proizv.: v 2 t. T. 1. M., 1964. 583 s.
15. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M.: Respublika, 1994. 447 s. S. 22. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/istoch/Fromm%20E.%20Anatomiya%20chelovecheskoi%20destruktivnosti.htm> (data obrashcheniya: 25.03.2015).
16. Fromm E. Dusha cheloveka. M.: Respublika, 1992. 429 s.
17. Storr A. Human Aggression. Harmondsworth, 1974. P. 159.
18. Subbotina N.D. Estestvennye i sotsial'nye sostavlyayushchie agressii // Gumanitarnyi vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya. 2010. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/estestvennye-i-sotsialnye-sostavlyayushchie-agressii#ixzz3dLrxEv5> (data obrashcheniya: 01.06.2015).
19. Izard K.E. Psikhologiya emotsii. SPb.: Piter, 2008. 464 s.
20. Psikhologiya. Slovar' / Pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. M.: Politizdat, 1990. 494 s.
21. Alland A. The Human Imperative. New York; London, 1972. P. 31.
22. Khollicher V. Chelovek i agressiya. M., 1975. 132 s.
23. Markuze G. Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva / Per. s angl., poslesl., primech. A.A. Yudina; sost., predisl. V.Yu. Kuznetsova. M.: ООО «Izdatel'stvo ACT», 2002. 526 s.